

Охотничьи рассказы и стихотворения
Издание журнала "ОХОТНИЧЬИ ВѢСТНИКЪ"
МОСКВА, 1913 г.

ЛОСЬ и БУДИЛЬНИКЪ.

(РАЗСКАЗЪ Р. ЗЕЙЛЕРА).

Да, милостивые государи, я всегда говорилъ, что аккуратность есть мать добродѣтелей. Если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большинства изъ нихъ. И для настоящаго охотника она, пожалуй, такъ же необходима, какъ ружье. Повѣрьте мнѣ. Объ этомъ свидѣлствуютъ двадцать семь лѣтъ опыта, глядящихъ на васъ съ высоты моей сѣдой головы.

И только одинъ разъ за всю мою жизнь случилось, что аккуратность сослужила мнѣ плохую службу, да и тогда виноватъ былъ не я, а слишкомъ точный лось.

Впрочемъ, буду рассказывать по порядку.

Вамъ нечего говорить о привычкахъ лося, потому что вы, конечно, изучили ихъ не хуже, чѣмъ я. И вы, слѣдовательно, знаете, что въ лѣсу нѣтъ твари болѣе точной въ своихъ привычкахъ, чѣмъ лось.

Я, на примѣръ, всегда провѣрялъ мои часы по лосямъ и могу похвастаться тѣмъ, что по моимъ часамъ всегда ставили свои часы господа, прїѣзжавшіе на охоту изъ столицы, а это кое-что значить...

Когда десятки лѣтъ живешь въ лѣсу, поневолѣ свыкнешься со всѣми его обитателями, и я въ любую минуту могу совершенно точно сказать, гдѣ пасется лось, куда онъ направляется, и т. д.

Неудивительно, что каждый разъ, когда мой баронъ разрѣшалъ кому-либо изъ близкихъ друзей разрядить ружье въ своихъ богатыхъ угодьяхъ, онъ направлялъ гостя прямо ко мнѣ и я, глядя по человѣку, наводилъ его на звѣря.

Ей Богу, каждый разъ у меня сердце исходило кровью и я отъ души желалъ, чтобы такой франтъ сдѣлалъ основательную дыру въ воздухѣ, но... служба, прежде всего, и я добросовѣстно ставилъ гостей такъ, чтобы лоси проходить отъ нихъ въ двухъ-трехъ шагахъ, а при такихъ условіяхъ пропуделять можно развѣ только нарочно.

Разъ, осенью, является ко мнѣ изъ города какая-то разряженная кукла и, конечно, подаетъ письмо отъ барона. Тотъ пишетъ, что "предъявитель сего, сынъ лучшаго друга", и такъ далѣе... горитъ

желаніемъ поохотиться на лосей, а посему я, видите ли, долженъ всемѣрно содѣйствовать ему.

Посмотрѣлъ я на этого "сына лучшаго друга", и чуть не сплюнулъ. Плюгавый мальчишка, надъ верхней губой яичнымъ желткомъ помазано, подслѣповатые глазенки мигаютъ, носъ пуговкой -- прямо изъ музея восковыхъ фигуръ выскочилъ.

А одѣтъ -- курамъ на-смѣхъ. Изъ тонкаго трико курточка, въ какихъ на городскихъ бульварахъ дѣти бѣгаютъ; ягдташъ прямо изъ магазина, и, для какого-то дьявола, бисеромъ вышить.

И ружье подѣ-стать охотнику: легонькое, цѣвье рѣзаное, кругомъ разные рисунки выгравированы. Можетъ быть, въ городѣ для голубей оно и хорошо, а для лося по нашему, охотницкому понятію такія игрушки не нужны. Ну, да это не мое дѣло. Пусть его, если захочетъ, хоть изъ дѣтскаго пистолета шомполомъ стрѣляетъ.

Никогда еще не было мнѣ такъ жалко моихъ лосей, какъ въ этотъ разъ. Кажется, если бы не служба, на смѣхъ распугалъ бы не только крупнаго звѣря, а и всѣхъ зайцевъ по округѣ. Конечно, я могъ бы погулять съ гостемъ по такимъ мѣстамъ, куда лоси никогда и носа не показываютъ, но здѣсь уже говорило мое самолюбіе: не смѣетъ такой чижикъ про меня сказать, что я у себя въ лѣсу дичины добыть не умѣю...

Прикинулъ я въ головѣ, на какого лося вести, и вспомнилъ про одного старика, котораго давно самъ убрать хотѣлъ: старъ онъ сталъ, замотался, одинъ рогъ поломалъ, а за послѣднее время чуть ли не слѣпнуть началъ. Идетъ, бывало, по дорогѣ къ водопою и на кусты спотыкается.

Я зналъ, что старикъ проходитъ мимо большого вяза у Пихлерской поляны ровно въ десять минутъ десятаго, и рѣшилъ поставить тамъ своего молодчика.

Какъ водится, обѣдать я повелъ гостя въ село, къ "Бѣлому оленю".

Чортъ меня дернулъ тамъ разговориться съ нимъ, и я, между прочимъ, обстоятельно рассказалъ ему, какъ живутъ лоси, какъ они всегда, изо дня въ день, въ опредѣленное время появляются въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. И, можете себѣ представить, молокососъ меня на смѣхъ поднялъ!

Обозлился я, знаете, и крикнулъ:

-- Давайте биться объ закладъ! Если сегодня, ровно въ десять минутъ восьмого, лось не придетъ къ старому вязу у Пихлерской

поляны, я вамъ завтра, на свою отвѣтственность, не одного, а цѣлыхъ трехъ лосей предоставлю.

Ударилъ я кулакомъ по столу и жду. Вдругъ, слышу, сзади меня кто-то хихикаетъ. Не смѣется, какъ доброму человѣку полагается, а именно хихикаетъ поганенько. Я обернулся и увидѣлъ за сосѣднимъ столомъ хромого Шинера.

Надо вамъ сказать, что этотъ Шинеръ былъ мерзавецъ патентованный. У него пустовалъ клочокъ земли, примыкавшій къ нашему лѣсу, какъ разъ по близости отъ Пихлерской поляны и,-- можете себѣ вообразить такую гнусность,-- онъ засѣялъ свою плѣшь клеверомъ, чтобы выманивать туда лосей! Раза два ему удалось подстеречь звѣря, и я ничего не могъ съ нимъ подѣлать: по закону онъ правъ, потому что стрѣлялъ на своемъ владѣніи.

Совсѣмъ взорвало меня это хихиканье.

-- Чего вы смѣетесь?-- оборвалъ я Шиндера.

А онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отвѣчаетъ:

-- Такъ, своимъ мыслямъ смѣюсь.

Расплатился и ушелъ.

Это мнѣ показалось подозрительными. Такой типъ даромъ смѣяться не станетъ, навѣрное -- пакость какую-нибудь мыслилъ. Вѣрнѣе всего, думаю, хочетъ онъ воспользоваться тѣмъ, что я засяду съ гостемъ подъ вязомъ и, пожалуй, выгонитъ лося на свой клеверъ. Отъ него всего можно ожидать. И тутъ же я рѣшилъ перехитрить его. Какъ потомъ оказалось -- на бѣду свою.

Утромъ мой желторотый юнецъ поднялся до свѣта и меня разбудилъ: боялся опоздать. Однако, я не спѣшилъ, потому что раньше восьми намъ дѣлать было нечего. Поэтому я спокойно позавтракалъ и въ путь мы двинулись ровно въ половинѣ седьмого.

Мои часы показывали безъ четверти восемь, когда я поставилъ гостя у вяза. Онъ думалъ, что я останусь съ нимъ въ родѣ какъ нянька, но у меня было другое дѣло, поважнѣе: я рѣшилъ пойти къ опушкѣ и посмотреть, что дѣлаетъ мой милый сосѣдъ сосѣдъ Шиндеръ. За своего лося я былъ спокоенъ, онъ не могъ миновать: вяза.

Отъ Пихлерской поляны до сосѣдскаго клевера -- рукой подать, всего съ четверть часа хода. Однако, я торопился, потому что на душѣ у меня было непокойно. Все думалось, не натворилъ бы мой охотникъ чего-нибудь недобраго. Вѣдь, на этихъ городскихъ господъ никогда нельзя положиться.

Чѣмъ дальше я уходилъ отъ вяза, тѣмъ хуже дѣлалось настроеніе. Положительно, меня угнетало мрачное предчувствіе. Наконецъ, я не вытерпѣлъ. Будь, что будетъ. Пусть проклятый Шиндеръ у меня изъ-подъ носа стащить лося, а я рѣшилъ вернуться.

Мнѣ, господа, пятьдесятъ два года, но на ходу я любому молодому сто очковъ впередъ дамъ. Какъ только я повернулъ обратно къ вязу, будто крылья меня подхватили. Лечу, знаете, и всякую осторожность охотничью забылъ. Топочу, о кусты шаркаю. Все равно, думаю, сведу моего молодчика въ другое мѣсто. Лосей довольно.

Не дошелъ я до вяза шаговъ сто, вдругъ слышу, гдѣ-то по близости трескъ поднялся.

-- Тррр... ррррр....

Трещить что-то, звенить. Я остановился. Потомъ затрещало и зазвенѣло еще въ другомъ мѣстѣ. Что за притча такая?

Не успѣлъ я очнуться отъ удивленія, какъ вдругъ "трахъ! трахъ!" прогремѣли два выстрѣла. Одинъ прямо предо мной, а другой сзади.

Не помню, какъ я добѣжалъ до вяза. Въ ушахъ все дьявольскій трескъ стоялъ, а въ мозгу роковая мысль сверлила:

-- Оpozдалъ. Оpozдалъ.

А куда опоздалъ,-- самому было невѣдомо.

Что же вы думаете? Вѣдь, не обмануло меня предчувствіе!

Выбѣжалъ я на Пихлерскую поляну, и вижу, на травѣ сѣрая туша лежитъ. Глазъ у меня наметанный, сразу увидѣлъ, что убита самка. А самокъ у насъ всего четыре были, и здѣсь ей совсѣмъ оказаться не надлежало.

Гляжу, выбѣгаетъ мой ряженный охотникъ. Шляпа на затылокъ съѣхала, руками машетъ, визжитъ, какъ поросенокъ, отъ радости даже ружье бросилъ.

Я кинулся на него:

-- Что вы надѣлали?

-- Какъ что?-- отвѣчаетъ.-- Лося убилъ. Спасибо вамъ, правду сказали. Ровно въ десять минутъ девятого вышелъ, и прямо на меня.

-- Да не лося,-- кричу,-- чортъ васъ возьми совсѣмъ, а самку вы укокошили. Понимаете, самку! Глаза-то вы въ городѣ что ли оставили?

Можете себѣ представить, смѣется, болванъ.

-- А не все ли равно?-- спрашиваетъ.-- Самка -- тоже лось.

Такъ онъ меня этой своей глупостью озадачилъ, что я даже не нашелся, что ему сказать. Молча повернулся и побѣжалъ туда,

откуда другой выстрѣлъ раздался, хотѣ и понималъ, что тамъ мнѣ дѣлать уже нечего.

Дѣйствительно, выскочилъ я на опушку, а тамъ, на клеверѣ, мой старый лось лежитъ. Конечно, возлѣ него Шиндеръ стоитъ и заливается -- хохочетъ.

Отвелъ я тогда душу. Съ полчаса ругался, охрипъ совсѣмъ. Да что толку-то? Законъ, видите ли, на его сторонѣ. Ничего не сдѣлаешь...

Пошелъ я назадъ къ вязу. Вспомнилъ о трещеткахъ, которыя старого лося на клеверъ выгнали и самку подъ ружье городскому дураку подвели. Обшарилъ всѣ кусты, думалъ, попадется мнѣ сосѣдскій мальчишка, не сдобровать ему. Тогда Шиндеру никакой законъ не поможетъ: выгонять звѣря изъ чужого лѣса не позволяется. Но никого я не нашелъ.

Дальше все пошло, какъ слѣдуетъ. Отъ барона я получилъ головомойку. Первую за все время службы. "Сынъ лучшаго друга", конечно, заплатилъ штрафъ, но, кажется, такъ и не понялъ за что.

Только позднѣе я узналъ, какую штуку подстроилъ мнѣ Шиндеръ. Самъ онъ подъ пьяную руку въ трактирѣ проболтался.

Оказывается, каналья спряталъ въ кустахъ два будильника и поставилъ ихъ ровно на десять минутъ девятого.

Опоздай лось на пять минутъ, ничего бы не было...

Перев. В. Г.